ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТАРИИ, ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 2 коп.

-ЗСЕН 1927
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ежемесячное бесплатное приложение к „Коммунару".

ОРГАН ТУЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

7. | 5 мая 1927 года | № 7.

здравствует великая задача пролетарской литературы— строительство социализма!

Привет Ленинской „Правде"!

ТУРКМЕНУ

а убегают под строечный гул,
сни поют по мейданам.*)
-то родимый, под солнцем, аул,
лот степных караванов.

к нам пришел
левучих степей
край неизведанный,
ый.
нутся нити рабфаковских дней,
енумы...
ниги...
йкомы...

ды идут,
ак в песках караван,
ончишь рабфак...

... Из вагона
Снова услышишь про дикий мейдан,
Песнь голубого разгона.

И в предзакатных вишневых огнях,
В дальней
Песчаной Туркмении
Много расскажешь:
О нынешних днях,
О комсомоле,
О Ленине.

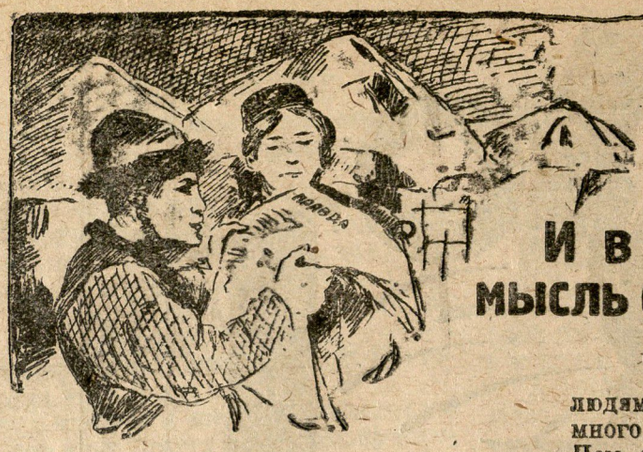
Дни убегают под строечный гул,
Песни поют по мейданам,
Где-то родимый,
Под солнцем, аул,
Гомон степных караванов.

А. Лесной.

*) Мейдан—степь.

К ЧИТАТЕЛЮ: Разрежь внизу, последний лист вложи в середину первого—по порядку №№ страниц.

Генеральный секретарь ЦК ВКП (б.) И. Сталин.

И в далекой глуши мысль о „Правде“ жива*)

(Рассказ С. Корнева)

И зеленой, зеленой показалась степь Темербеку. Розовое в зелени мелькнуло забытое лицо Умсундык.

Третье седло. Скоро аул. Поет степь. Говорит степь. Понимает ее Темербек.

...„Ни хан Нурали, ни султаны не могли заставить кайсацкие роды выполнить требования русских“.

„Набеги киргиз-кайсаков в 1773—74 г. отличались особой отвагой. Киргиз-кайсаки достигали берегов Волги“.

И Волга, широкая Волга вспомнилась Темербеку с ее большими пароходами.

Он только что оттуда. Из России. Из самой Москвы. Он только-что оставил книгу, со страниц которой глядели на него его предки, удалые киргиз-кайсаки, мстившие русским за обиды.

* * *

Едет. Высоко. Ширь необ'ятная стелется. И вспомнилось вдруг: здесь, вот, царили когда Колчаки, он скрывался в горах. И вдруг встретил повстанцев, окрестных, знакомых крестьян.

И мысль сломалась Темербека. Он русских полюбил.

Там, среди них, впервые он прочел в страницах „Правды“ про Ленина, про то, что на степи не будет казаков с нагайкой, что их никто не будет бить и грабить, что от истоков пенных Бухтармы до самой Волги, от жаркого Джаркента до ледяного Омска будет лежать одна свободная киргизская страна.

* * *

С тех пор прошло семь лет. Мечта исполнилась. Все стало так, как говорила „Правда“. Семь лет по городу, по новым людям. Москва, студенты, книги. И много много бед в степи. Они растут, как о Чем выше точка, тем дальше виден г ризонт.

Трудна постройка новой жизни. Там, городах—советы, а на степи, в белках, аулах—веков лохмотья еще живы.

И перед ним зеленая, душистая долин Чемамбая, где вырос он, не та,—другая, говорит она на новом языке.

* * *

Ночь свежая в белках Алтая. У юрты Есимхана стоит отборный „кой“—для кунака лихого.

Сегодня на „байге“ на „кыз-кугане“ Есимхан сам видел ухватки Темербека.

И слушает старик, как песня Умсундык, дочурки темноглазой, несется в горы, к аулу. Туда, откуда ждет он гостя.

— Чу, кони!

Вышел Есимхан:

— Здорово, Темербек!

* * *

Не спит старейший Айдархан.

Совет он держит. Скоро выборы. А степь, изо дня в-день, несет ему худые вести.

Плох Айдархан!

Вокруг друзья. Один вопрос совет решает: как помешать работе Темербека.

Про Айдархана он пишет Ленину, в Москву доносы. И длинные страницы „Правды“ шуршат у писаря в руках. Про степь, про царство Айдархана читают черные сатрапы в большевистской „Правде“.

Один вопрос совет решает: как помешать работе Темербека.

* * *

О, давно не шумела так степь под „байгой“! Давно, лет уж семь, скакуны Ай-

*) Перевод встречающихся киргизских слов в конце рассказа.

ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

дархана в горах, в табунах не тревожены были.

Порешил Айдархан показать свое сердце народу. Третью ночь идет пир по аулам.

И дымятся костры. И не спит Айдархан. И не спит секретарь его верный.

Тонут пальцы*) в баранине жирной. Льется быстрой рекою кумыс. Но.. сквозь веселье и смех брызжет злобно слюна. Притаилася злоба немая.

Пусть дымится аул. Пусть поют кунаки, но от хитрых очей аксакала...

— Нет,—правду степи не укроешь.

На призыв Айдархана—молчанием ответила степь.

Гуляют одни аксакалы.

А степь? Степь молчит.

Темербек на дороге у хана!

* * *

Тут. У юрт. На степи собрался на съезд все. И старый, и малый.

Месяца два по степям, по горам одно имя ходило у многих: Темербек. Батырбаева сын из Москвы Школу окончил большую Пишет к Ленину, в „Правду", в Москву.

Батрак Темербек Батырбаев.

Говорил Темербек, что он был в „тарт-кулаке"—у Ленина.

Видел его, как живого. Что тысячи, тысячи идут в „тарт-кулак" тот.

Говорил, что киргиз-батраков велел Ленин поставить в Советы.

И имя летело по степи.

* * *

Умсундык, Умсундык! почему тебя любят вдруг двое: Темербек и Смагул?

В „кыз-кугане" за что ты избила Смагула? Все лицо в полосах от нагайки!

Умсундык, ты молчишь?

А Смагул, погляди, мрачней тучи.

---

*) На востоке едят руками.

О, давно не шумела так степь под байгою!

Не зовите—не встанет

Он идет в Айдарханов аул.

Умсундык, на уме у Смагула не добро!

Ты предашь Темербека и „Правду".

* * *

Много душистых фиалок в горах. Они так опьянять скоро могут.

Чу, слышится топот коня!

Это—он, Темербек по дороге.

Вот уже поздняя ночь. Он все бродит, не спит. Вспоминаются детские годы.

Вот сюда, в „тарт кулак" они бегали с ней. И не раз, и не два, а без счета.

И теперь, вон, идет Умсундык.. О, сколько чудес он ей скажет! Про Москву, про коммуну, про Ленина, про перо, про рабкоров, про „Правду". Про ту „Правду", что делает он и огромные...—с горы—машины.

* * *

На цветы, на ковры пала свежая ночь. Уж костров не видать, все потухли.

Только там, на степи, где повисла луна над большим „тарт-кулаком" старинным, конь стоит...

Он не ест. Опустил к земле голову. Ждет.

— Темербек!

— Темербек!..

...Не зовите—не встанет...

И режут кромешную тьму два сверкающие глаза Смагула...

Торжествуй, Айдархан, ты нашел себе верного друга!

* * *

По степям, по белкам, по джеляу—беда разносилася с солнцем.

Всколыхнулася степь. Зашумела. К „тарт-кулаку" спешит, к Темербеку.

Генеральный секретарь ЦК ВКП (б.) И. Сталин.

Нынче в сопках, у юрт выбирать управителя надо.

— Эй, вставай, Темербек, за тебя голосует вся волость!..

* * *

— Умсундык, Умсундык,—упрекали, казалось, белки, качая верхушками кедров.

А она, у подножия их, слабой, любимой рукой о несчастии Ленину в „Правду" писала, в Москву:

„Темербека убил Айдархан—Темербек не приедет учиться".

Отвязала коня. И птицею в город на почту, в Москву весть из далеких алтайских белков полетела.

* * *

И все чаще старик Есимхан заставал темноглазую дочь за пером, за письмом. И так думал: уроки задал муголим. Дочь растет—пусть все знает: и волю, и отца и Аллаха.

И от сердца всего скакуна подарил ей на праздник Байрама. И на нем Умсундык улетала туда, где все ездят теперь бальшебеки, на тракт, на дорогу.

Туда, где от города в темные, звездные ночи—заревом тянется небо.

С. Корнев.

ПЕРЕВОД СЛОВ.

Умсундык — имя девушки.
Аул — деревня.
Седло — перевал горного хребта.
Бухтарма — горная речка близ Монголии.
Юрта — жилище киргизов.
Кой — баран.
Кунак — гость.
Байга — гонки на лошадях в степи.
Кыз-куган — игра, род спорта.
Аксакал — старейший в роде, начальник.
Тарт-кулак — надмогильный памятник.
Белки — горы с вечно снеговыми вершинами.
Бальшебеки — большевики.
Муголим — учитель.
Джеляу — летние кочевки киргизов.

О ДАЛЕКОМ

Те года не забыть под тальянку,
Но я вспомнил сегодня не в тон:
По далекому полустанку
Бродит душный жасминный сон.

Только яблони опахалом.
Машут тихо в земную грудь...
Много лет по степи просвистало
Паровозом в далекий путь..

Пролетали, гремя, эшелоны,
Сотрясая прижухнувший дол;
Мой отец, перещупав патроны,
На Деникина
Тоже ушел.

И горел о борьбе этой ярко
Со стены обветшалой плакат...
Паровозы, отчаянно гаркнув,
Зарывались в шрапнельный чад...

Мой отец не пришел к полустанку,
Где то грудь занозил об свинец.
И теперь берегу я тальянку,
Каждый звонкий ее бубенец.

Не могу я без ней голосистой,
Хоть и песням подчас не рад:
И знакомого телеграфиста
В степь Деникин увел за плакат.

Те плакаты давно в музее
И теперь—об ином строка:
О снижении цены бумазеи,
О заводе и новых станках.

Да. Осыпались дней этих росы,—
Их нельзя поискать и найти.
Только я под дымок папиросы
Вспоминаю тропинку в степи...

И. Коэтин.

Наш основной лозунг в „День печати": учеба, творчество и самокритика

ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЗУРНА И ТАЛЬЯНКА

Мохнатых туманов кубанки
Горы достанут со дна.
У русских—зальется тальянка,
У армян—затоскует зурна.
Посыплются звезды и росы
От вздохов деревянной зурны.
Увидят пунцовые розы
Персидские знойные сны.
Зурна тосковала о милой,
Сбросившей дымку чадры.

И солнце как будто остыло,
И лозы не стали щедры.
Не жизнь кунцу, а жестянка:
Нет приступу даже к айве!..
Лукаво пропела тальянка:
—А я расскажу в Москве.
О девушках в красных платочках,
Которых в России не счесть.
О белых печатных листочках,
Несущих о Ленине весть.

* * *

Измятый обрывок плаката,
Свидетель промчавшихся лет,
Принес ты в окопы когда-то
Кремлевский горячий привет.

В закатном малиновом свете
Притихшей солдатской гурьбе
Кричал ты о власти советов,
Кричал о победной борьбе.

И тысяча парней разутых
Решила итти напролом.
И ночь была—гуще мазута,
Пьяней, чем расплесканный ром.

И вот—за атакой атака,
И многие на земь легли.
Их дождик весенний оплакал
Под скорбные вздохи земли.

Года—бубенцы отзвенели,
Рассыпался где-то отряд,
И только в кармане шинели
Остался измятый плакат.

И сердце все так же бурливо.
Солдатская кровь горяча!
И в этом печатном обрывке
Храню я завет Ильича.

Галина Краева.

МОИ ПЕСНИ

Алых дней блистающие звенья
Предо мной на пути легли.
И бесшумно льется издали
Тихий трепет сладкого волненья.

Тьмы завеса под луною тает,
Небо блещет тысячью огней,
И в сияньи звезд меня ласкает
Теплый воздух мягче и нежней.

На поляну темными коврами
От деревьев тени разлеглись,
И туман прозрачными волнами
Уплывает в дремлющую высь.

Я частенько в полночь голубую
Ухожу в безмолвные поля,
Чтоб лучей серебряные струи
Поглощать под шепот ковыля,

Я люблю смотреть, обнявшись с ивой,
В далеко белеющую гать
И, творя сердечные мотивы,
Строки песен к сердцу прижимать.

Если-б знали, знали, как люблю я
Алых слов безудержную прыть
И стихов отраду дорогую,
Как боюсь навеки разлюбить!

Лей, душа, на белую бумагу
Легкозвучья песен без конца
И вселяй бурливую отвагу
В наших дней горящие сердца.

Дней сердца колотятся, и виснут
Над годами радуги побед,
И на них так хочется оттиснуть
Этих слов горячий, свежий след.

На шоссе, у кудлокудрой рощи,
Где стрекочут песней соловьи,
Ветерка ласкающая ощупь
Развевает волосы мои.

Пой же, сердце, песенной волною
Разрубая корни черных лет,
Подари мне веру, что со мною
Вырастает огненный поэт.

Тихим утром сонным вздохом ветер
Поиграет листьями лозы
И, свежея, травы на рассвете
Заблестят отливом бирюзы.

Вот тогда, надеждой напоенный,
Я пойду к гудящим городам
И металлом в горне раскаленным
Эти песни кузнице отдам.

Михаил Зайцев.

ИЗБА

РАССКАЗ
С. Дмитриева

I.

Перед солнцем прошумел серебряными зернами дождь и удивительно сияющим встало утро, когда, окрасив золотом края столпившихся на востоке облаков, хлынул на землю солнечный свет.

Заревую тишину будит скучной напевностью Акимова жалейка.

Стадо идет навстречу солнцу,—в коровьем мыке и блеянии овец неизбывная радость жизни.

Выползли на дорогу и живут, извиваясь, черняки и большим червяком ползет за Аким м кнут.

Узкие полосы меж колеями курчавятся молодой травой, бережно хранящей дождевые капли

В каждой капле — солнце. В каждой — жизнь.

* * *

Тихонько шелестит ветер изумрудной листьей.

В лесную глушь уплыл с поля золотисто-розовый пар.

Стадо разбрелось по большой поляне и кормится, Акиму можно отдыхать, курить и слушать птичьи песни.

— Степка, посматривай за Дарьиной коровой, шальная корова, гляди, в зеленя убежит. Затягиваясь табачным дымом, греет Аким лысую голову на солнце, щурит старые, выцветшие глаза, смотрит на дорогу.

Вышел человек из ельника, чужой человек, должно быть; на деревенского не похож.

— „Чей такой?".

Бьет в глаза солнце, не разглядишь,— сделал Аким руку козырьком над глазами. Кажется Акиму знакомое что-то в человеке.

Ширятся глаза, но нет прежней зоркости,—и только когда совсем близко подошел человек, седые Акимовы брови поднялись в радостном удивлении:

— Яшка! Ба!

* * *

Потрескивает хворост, тянется белый, горький дым от костра, в жестяном чайнике булькает вода, на огне обугливается картофель.

— Ну, ну... А я смотрю, идет человек какой-то... Кто б такое, думаю... Смотрю, ба! Яшуха .. Ах, ты... Ну, ну.. Подолом рубахи Аким вытирает жестяную кружку.

— Сейчас, чайку.. Сейчас... А у меня, замест тебя, во, Степка Авдотьин.. С ним мы пасем.. А мать твоя хворая совсем стала.. Беспокоится все... От тебя вот, с год, уж, ни слуху, ни духу... Оно и есть слух да слух-то негожий... Бабы, языками мелют ..

Аким смотрит на худое, желтое лицо Яшки, улыбка сбегает с его лица.

— Ты, аль хворал?

Яков по мальчишески шмурыгает носом и смотрит мимо старика, куда то в лес.

— Хворать не хворал... Так... Всякое неспокойствие ..

— Аль с бабой што вышло?—спрашивает Аким.

Яков нахмурился еще крепче и махнул рукой:

— А черт с ней... С бабой... Баба убежала... Другого мужа нашла...

— Ну?!

Аким растопырил руки и с минуту оцепенело смотрел на Якова.

— Убежала,—выговорил он наконец и покачал головой:—вот, ведь, шутова баба.. И как ведь я говорил тогда тебе: ох, Яшка не гонись за богатством... Нешто пара он тебе... Ты пастух, а у ней отец кулак и

старому времю первеющий.. Нешто можно... Ах ты.. Ведь, вот какие дела... Ах, ты...

Ну, что-ж теперь... наплевать... пей, а ты, чай-то... Ешь... Мать-то теперь обрадуется... и..и..как... Шут с ней, с бабой... Нешто мало этого.. Сколько хочешь.. Пей, пей, чай-то, ешь картошку-то горячую...

Яшка курил, запивал табачную горечь горячим чаем, смотрел за зубчатую стену ельника — там, на горе, как позолоченая, блестела под солнцем новая стройка.

— Коммуна все отстраивается —кивнул головой Аким. У нас ведь еще многие туда ушли, из села-то. Дроновы братья, Коровкин Степан, Мартынов... Говорил я тебе тогда, жениться-бы тебе на Анютке Мартыновой... Больно гожа девка. И собой гожа, и руки у девки золотые...

Яков сказал недовольно:

— Теперь уж... чего-ж говорить...

Помолчав, он сказал:

— Всю ночь не спал... Пойду в тенек... Усну...

Он лег в теплую тень березы, закинул руки за голову и, закрыв глаза, не заснув, пролежал почти до полдня.

Акимова жалейка созывала стадо, его надо было гнать к большому лесному пруду, „на полдни", тогда Яшка встал и пошел в село.

II.

Мать поила Якова чаем, угощала баранками, концом фартука утирала слезы. И еще горячей пришлось бы плакать матери, если-б Яков рассказал ей все.

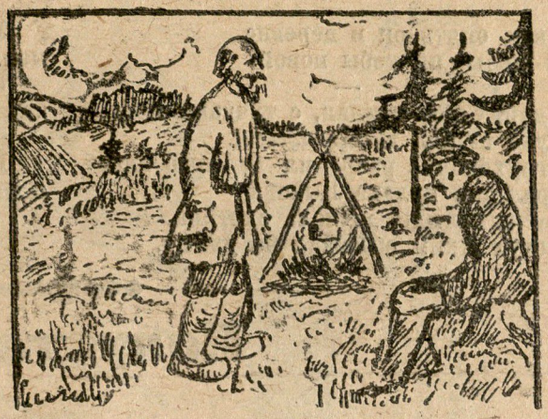
Он не стал трогать материнского сердца. Он не рассказал ей, что он растратил чужие деньги, чтоб наряжать жену в модные платья и шляпы.

Зачем омрачать встречу с матерью... Яков пил чай, он старался быть веселым, пробовал смеяться, но смех выходил глухим, нехорошим

А мать стара стала.. А изба скоро завалится..

В глухой час разбудил деревню набат: горел дом кулака Быкова

Потрескивает хворост, тянется белый, горький дым от костра

Не из-за избы-ли и пошла кувырком жизнь Якова?

В прошлом году звал Ануфрий Климов Якова в коммуну.

Не пошел Яков.

— Нашел дурака на чужого дядю работать,—сказал Яков Ануфрию.

Другое было у Якова на уме.

Избу поставить новую, хозяйство завести. лошадь...

Тогда и в комсомол Яков записался.

Думал: авось, выберут куда-нибудь, жалованье дадут хорошее... А может в кооператив определят.. Комсомолам—им ход даден.

А когда кулака, бывшего торгаша деревенского, Быкова стали из заведующих кооперативной лавкой „выпирать", полюбил вдруг Быков Якова пастуха.

— Пастухи первые звезду вифлеемскую увидали... И не токмо нет ничего зазорного в пастушьем званьи, а напротив... к тому же имею я полное сочувствие к беднейшему сословию... Заходи, парень, вечерком когда, чайком побаловаться.

А потом женил Быков Якова на своей дочери.

Пошли тогда у Якова „неувязки" с ячейкой комсомольской и с мужиками некоторыми.

По родному стал Яков защищать Быкова.

Секретарь Мишка ставил вопрос:

— Исключить Яшку, как разложившегося.

Пожалели ребята:

— Сделаем выговор Гляди, исправится.

Тогда уехал Яков с женой в город

И вот, опять он в деревне.
Ни жены, ни избы новой.

—

Надвинулась темная, с тучками ночь.
Глухо шумел ветер садами.
В глухой час разбудил деревню набат.
Горел дом кулака Быкова.
Кричали люди, мычала скотина.
Пастух Аким выбежал на улицу.

Узнав, что горит дом Быкова, он подумал: наверно Яшуха.

Постоял, посмотрел, как лизали широкие языки пламени ночную темь и сказал:

— Гори, проваленный.

Вернувшись в избу он улегся спать, с головой накрывшись армяком.

С. Дмитриев

Полустанок

Посвящаю Г. К.

Мне всегда удивительно странно
От такой вот мысли нечаянной...
Вспоминается мне полустанок,
На который попал я случайно.

Было это в тяжелые годы,
Было нам не до роз и идиллий,
Мы тогда в беспрерывных походах
Да в боях наши дни проводили.

Помню тихо выстукивал поезд,
Буферами гремя на уклонах.
По телячьим теплушкам покоясь,
К новым далям мы шли неуклонно.

Спать не спали, но все-таки снились
Пулеметы и вражьи танки.
И вот ночью мы вдруг приютились
На забытом, глухом полустанке.

Кто не раз побывал в перестрелках,
Кто сжигал на фронтах дни и годы,
Тот поймет, что бойцу не безделка
Долгожданный живительный отдых.

Ничего, что на новой стоянке
Нам побыть привелось так немного.
(Через восемь часов с полустанка
Мы отправились снова в дорогу).

Теперь в жизнь я тропой голубою
Выхожу, но одно мне странно:
Почему мне при встрече с тобою
Вспоминается тот полустанок.

Алексей Медведев.

Весна

Кутаясь в туманы,
Зеленя курганы,
Подошла весна,
В белый дым озерний,
Рассевая зерна
Голубого сна.

В утро звезды меркнут,
К полдню зори блекнут,
Тонок звон полей;
Поседела заводь,
В заводи той плавать
Стаям лебедей.

Полилися ливни
Черноземы парить,
Позавились бивнем
Струйки дымной гари.

Что же голубая
В бражном греве мая
Принесла весна?
Иль на место снега
Вытаяла нега
В лоно полусна?

Нет не сны, не нега,
Это, вместо снега,
Вызрел дней опал
И седой кручины
Постную личину
В зорях закопал.

Ф. Гуляки.

Гублит № 650

Редактор: Редакционная коллегия